ЧТОБ НЕ УГАСЛО В ЧЕЛОВЕКЕ ПЛАМЯ ЖИТЬ

В массовом сознании город Брянск ассоциируется с голосующим за коммунистов «красным поясом», именем «рабочего депутата» Шандыбина, брянскими партизанами и легендарным брянским лесом. Сами брянчане больше всего гордятся своим великим (без всякого преувеличения) земляком Федором Тютчевым. Он родился в имении Овстуг, и в этом году будет отмечаться 200 лет со дня его рождения. Юбилей Тютчева должен стать общенациональным праздником: Президент России Владимир Путин подписал по этому поводу специальный указ.

Нынешний год на территории Брянской области по решению Думы и администрации объявлен годом культуры. Но хотя местное начальство свободно цитирует Тютчева на официальных мероприятиях, не все молодые таксисты знают, где в Брянске художественный музей или драматический театр. И все же культурное брожение в городе ощутимо. На прошлой неделе здесь завершился Международный фестиваль современного искусства имени Рославца и Габо, проходивший в этом году под девизом «От авангарда до постмодернизма». К фестивалю приурочили всероссийский семинар, проходивший под эгидой газеты «Культура». В Брянск приехали журналисты и критики из разных регионов страны, пишущие о проблемах культуры. Среди них был и представитель Ярославля.

Брянский фестиваль проходил в этом году в восемнадцатый (!) раз. Его история – это особая тема. Почти двадцать пять лет назад в Брянском музыкальном училище с легкой руки преподавателя М. Белодубровского был создан неформальный клуб «Аподион», в названии которого объединены имена двух греческих богов – Аполлона и Диониса. Власти относились к клубу с недоверием, считая его рассадником диссидентства. Сказывались и антисемитские настроения. В конце концов клуб закрыли.

Но уже в 1986-м, в самом начале горбачевской перестройки, бывшие аподионовцы провели авангардный фестиваль, назвав его именами выдающихся земляков: музыканта-новатора Николая Рославца и одного из основоположников мирового конструктивизма Наума Габо.

При поддержке фонда Форда, областной администрации, усилиями оргкомитета: заслуженного работника культуры РФ, композитора Марка Белодубровского, известной брянской журналистки Татьяны Ривкинд – постоянного автора газеты «Культура», неутомимого директора фестиваля Любови Пчелкиной – удалось создать теплую атмосферу непринужденных дружеских встреч.

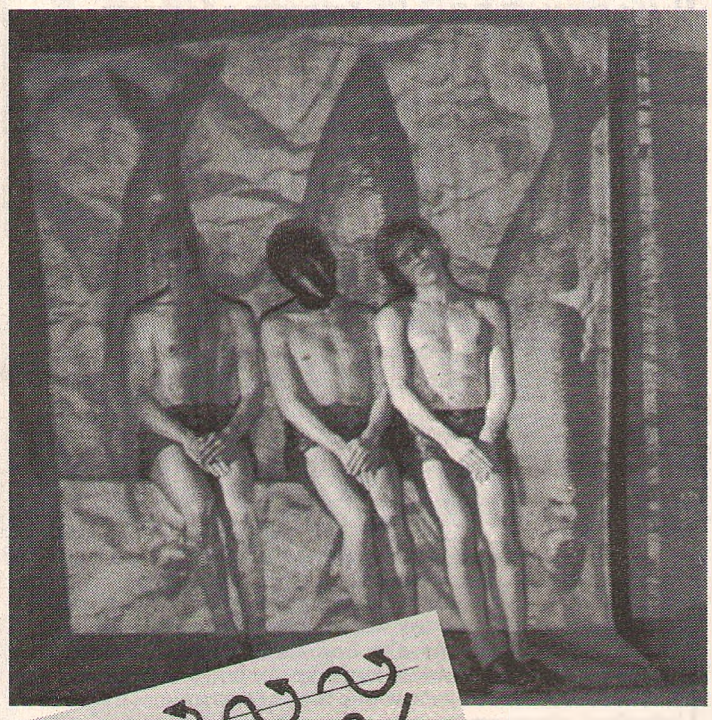
Безусловно, для Брянщины, которая в приснопамятных 70-х годах ушедшего века славилась в СССР как картофельный край, брала на себя рекордные обязательства по сбору «второго хлеба», безвременно теряла первых секретарей обкома, надорвавшихся на выполнении и перевыполнении этих самых рекордов (из-за чего даже ходила черная шутка: аббревиатура КПСС расшифровывается так – Крахмалев, Попов, Сизенко, следующий), чувствовала уверенность в завтрашнем дне и опасалась всяких непонятных «Аподионов», – фестиваль стал откровением.

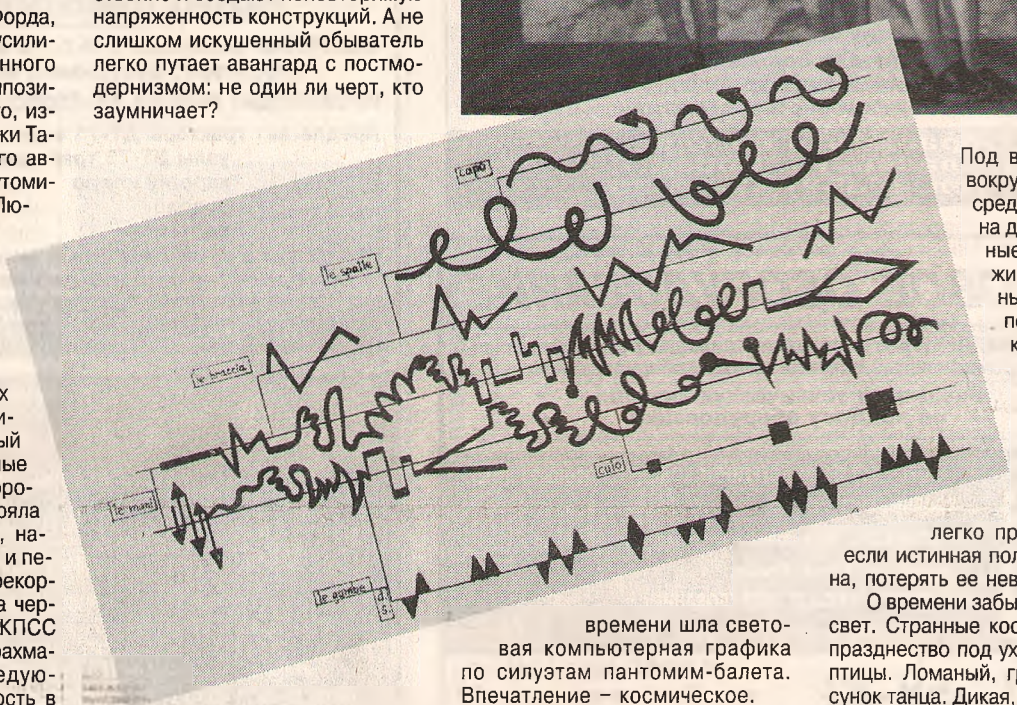
Нынешние брянские студенты с сентября по ноябрь уже не сидят в деревнях и хозяйствах на уборке картофеля, не особо разбираются в преимуществах сорта «богатырь» перед «невским», зато вовсю приобщаются к мировому искусству. Они заметно «продвинуты», открыты для восприятия нового, это чувствуется по реакции на концертах.

Выступление московского ансамбля ударных инструментов Марка Пекарского в 80-х могло быть в Брянске только подпольным. А сегодня концерт его инструментального театра с участием «препарированного» фортепьяно, набором нетрадиционных инструментов: чугунков, медных сковородок всех калибров, емкостей с водой, буддийских гонгов, электрического звонка, радиоприемника – был встречен публикой с немалым энтузиазмом. На концерте звучали «Музыка барабанной молодости папаши Кейджа» (американского композитора 20-х годов), композиция «Балетто» президента Ассоциации современной музыки В. Екимовского.

Эксцентричную партитуру «Балетто» с графической записью дирижерских жестов (на рисунке) перед началом концерта в фойе киноконцертного комплекса «Дружба» по демократичной цене в 3 рубля расхватывали, как горячие пирожки.

Критики говорят, что время постмодернизма – это время зрелой культуры, подходящей к завершению, когда в рамках традиционных форм уже сложно не повториться. Постмодернизм – серьезный диагноз нашему времени. Он стал чем-то большим, чем философия или стиль. Это – явление общественного сознания, не до конца понятое, но многими ощущаемое. Концептуальная полистилистика, соединение несоединимого как высший профессионализм собственно и создают неповторимую напряженность конструкций. А не слишком искушенный обыватель легко путает авангард с постмодернизмом: не один ли черт, кто заумничает?





Поскольку непонятный язык требует внимательного изучения, на семинаре оживленно обсуждалась роль критики в осмыслении современного искусства. Столичный музыковед Ф. Сафронов откомментировал дискуссию словами итальянского музыканта-авангардиста Луиджи Ноно: «Путники! Дорог нет, но надо идти!»

В этом ключе прекрасно читалась сценическая композиция-перформанс А. Шнитке «Желтый звук» по либретто В. Кандинского в исполнении ансамбля солистов Московской государственной консерватории «Студия новой музыки». На афише концерта «Звуки видимые и невидимые» было заявлено: «Если и есть звуки, за которыми будущее, то они желтые».

Идеи классического авангарда (простите за каламбур) выступали в синтезе с современными компьютерными технологиями, организуя интерактивное пространство как живой организм из света, цвета, пластики и музыки. На фоне анимированных и программно обработанных картин Кандинского в реальном времени шла световая компьютерная графика по силуэтам пантомим-балета. Впечатление – космическое.

Необычным было выступление в Брянском художественном музее преподавателя московского ТЕРМЕН-центра Лидии Кавиной – внучки Льва Термена, физика из института Иоффе, который изобрел необычный электромагнитный инструмент, названный впоследствии его именем. Музыкант изменяет высоту звука и его громкость, влияя на «звуковое поле» вокруг антенн пассами обеих рук.

Увидев этот инструмент на кремлевском концерте в 1922 году, Ленин тотчас распорядился выдать Термену бесплатный железнодорожный билет для поездок по стране и демонстрации «пролетарской электрической музыки». Терменвокс популярен и в наши дни. Лидия и ее ученицы из Германии и Японии исполнили пьесы для терменвокса: мелодию из «Первой Аэрофонической сюиты», «Звездную импровизацию», «Электрически-патетическое движение». А после концерта все желающие могли попробовать свои силы в электроакустической музыке и убедиться, что добиться хорошего ансамбля терменвоксов – настоящее искусство.

О модной теме – знаках и знаковости – на фестивале говорилось немало. Безусловно знаковые работы представил театр балета Татьяны Багановой из Екатеринбурга «Провинциальные танцы». Коллектив создан в 1990 году, за это время стал лауреатом многих международных конкурсов, с 2000 года трижды подряд награждался национальной премией «Золотая маска». Театр показал постановки «Кленовый сад» и «Тихая жизнь с селедками».

«Кленовый сад» – иронично-сочувственная, загадочная мистерия в духе Гофмана и Брейгеля, где сняты все жанровые ограничения. Под высокой луной вокруг сухого древа среди легкого тумана движутся странные особи, похожие на разделенные надвое двуполые мифические существа-андрогины, ищущие свою половинку. Тонка связующая нить между созданиями, ее легко прервать, но уж если истинная половинка найдена, потерять ее невозможно.

О времени забываешь. Зыбкий свет. Странные костюмы. Ночное празднество под уханье болотной птицы. Ломаный, гротескный рисунок танца. Дикая, животная пластика и не менее дикая, чувственная, какая-то первобытная прамузыка группы из Нидерландов «Вечерние посиделки анархистов». Когда ее перебивает мотивчик простенькой песенки «Ах, мой милый Августин, все хорошо, все хорошо», становится не по себе еще больше.

В финале один из плясавших человечков деловито и накрепко с ног до головы заматывает прозрачной пленкой слившуюся в бесконечном поцелуе пару счастливчиков, которые обрели наконец свою половинку. Оставшихся «женщин» партнеры прикрепляют за волосы к ветвям, и они, повиснув на дереве диковинными коконами, застывают... Может, в ожидании рассвета. Может – в ожидании будущего счастья. Кто знает?

«Тихая жизнь с селедками» напоминает эстетику обериутов (питерской группы конца 1920-х годов «Объединение реального искусства»), проникнутые грустным юмором стихи Н. Олейникова «Карась»: «Жареная рыбка, дорогой карась, // Где ж ваша улыбка, что была вчерась? // Жареная рыба, бедный мой карась, // Вы ведь жить смогли бы, если бы не страсть».

В спектакле двоящийся животно-человеческий образ Сельдей играют юноши (на снимке). На слайде за спинами у них – три упитанные рыбины. Задник – клетчатая скатерть. Женская группа, одетая в стиле соц-арта: в зеленых резиновых сапогах и желтых перчатках, белых косынках и фартуках поверх свекольно-красных купальников – активно разделывает безропотную Селедку, чтобы приготовить вожделенную сельдь под шубой – популярнейшее блюдо (к концу действа на слайде появляется наполненная и украшенная зеленью хрустальная вазочка).

Сквозь буффонаду пробивается мотив беззащитности, жалости и любви. В финале после выразительного парного танца публике зачитывается страстно любимый рецепт, и становится ясно: как бы ни были агрессивно-деловиты женщины, без юношей-сельдей ни шубу не сготовишь, ни праздник в доме не сделаешь. Итак, да здравствуют мужчины!

За 18 лет существования брянского фестиваля выросли и стали исполнителями, авторами, музыковедами и искусствоведами дети его родоначальников. Мультимедийный проект московского дизайн-журнала «Табурет» представляла художник-искусствовед Алиса Ривкинд – теперь уже заместитель главного редактора. Она замечательно рассказала об эволюции обыкновенного стула за последние полторы сотни лет: от нехитрой округлости доступного всем серийного детища венского мебельщика Тонета до вызывающе дорогих экстремальных образцов XX века – коллекционных произведений дизайнерского искусства.

Даже сами названия авторских работ звучали музыкой: стул «Камердинер» с высоченной спинкой и множеством перекладин, шезлонг Карбюзье «Кушетка психоаналитика», выгнутый японский табурет «Бабочка», кресло «Колумбово яйцо» (захлопывается подобно пудренице), диванчик «Мэрилин» как пара сексапильных красных губ, лежбище «Боа» в виде свернувшегося удава, уютная кушетка «Большая мама», «Хорошо темперированное кресло»...

Как оказалось, у брянского фестиваля сегодня немало именитых друзей. Есть даже целый собрат в Санкт-Петербурге – фестиваль «Сергей Осколков и его друзья».

Во время фестиваля в художественном музее Брянска открылась выставка «Графика Михаила Шемякина» (Нью-Йорк – Санкт-Петербург). С его работами, посвященными творчеству В. Высоцкого, ярославцы имели возможность познакомиться год назад. Брянский зритель увидел и графические листы, посвященные персонажам Достоевского и Гофмана, цветные автолитографии из цикла «Петербургский карнавал». На концерте-встрече «Разговоры через океан» Марк Белодубровский провел сеанс телефонной связи с Михаилом Шемякиным. Мятежный живописец с удовольствием вспоминал юность, «тревожное, угрюмое, напряженное, но и романтическое время», когда они с удовольствием общались – начинающие музыканты школы-десятилетки при Ленинградской консерватории и художник Шемякин с группой «Санкт-Петербург».

* * *

Дух фестиваля чувствовался буквально во всем. И чтобы выразить его, лучше всего подходит цитата из «Реалистического манифеста» Н. Габо: «Искусство не может и не должно оставаться убежищем для праздных, утешением для усталых, оправданием для ленивых. Искусство призвано сопровождать человека повсюду, чтоб не угасло в нем пламя жить».

Ирина МОЧАЛОВА.
Фото **Татьяны РИВКИНД.**